

ПОКОРЕНИЕ ИРТЫША

ВСТУПИЛА В СТРОЙ
УСТЬ-КАМЕНГОРСКАЯ ГЭС

На Иртыше, воспетом народом в песнях, пущена Усть-Каменогорская гидроэлектростанция — первая крупная гидроэлектростанция на этой реке.

В камеру шлюза медленно входит пароход «Лобок» — скромное судно Верхнеиртышского пароходства, несущее имя прославленного в здешних местах героя гражданской войны. На палубе собрались знатные монтажники, бетонщики, электросварщики, крановщики, инженеры, прорабы. Это — передовые строители, усилиями которых выполнено несколько миллионов кубометров земляно-каменных работ и уложено свыше шестисот тысяч кубометров бетона.

Первое судно проходит шлюзование. С его палубы видны металлические фермы, которые идут от здания ГЭС к сердцу рукотворного Алтая. Новый могучий поток энергии, вырабатываемой Усть-Каменогорской ГЭС, пошел на осуществление программы пятой пятилетки.

Строительство Усть-Каменогорской ГЭС проходило в сложных геологических и климатических условиях. Кто не знает могучую силу Иртыша, его неукротимый и капризный нрав. Много знаний, энергии и просто рабочей смекалки потребовалось, чтобы укротить буйный характер реки.

Усть-Каменогорская ГЭС, так же как и Днепростан, сооружена на скальном основании. Но в отличие от днепровской станции здесь скальные породы находились очень глубоко. Чтобы добраться до них, нужно было со дна реки снять двенадцатичетырехметровый слой так называемого аллювия — мелкого гравия и песка. Это сложная работа. Дело в том, что аллювий пропускать воду, мешал возводить сооружения, хотя они и были ограждены перемычками.

В перемычке первой очереди, за которой строилась бетонная плотина, слой аллювия был искусственно заморожен и зацементирован. Но метод замораживания оказался сложным и дорогим. Тогда инженеры применили другой, более простой, дешевый и надежный способ: слой аллювия не замораживали, а только цементировали; перед перемычками был устроен так называемый экран из глины — водонепроницаемый грунт. Это и позволило строителям соорудить перемычку в три с половиной зимних месяца!

Не надо забывать, что строительство проходило в суровых условиях. Не даже при пятидесятиградусном морозе здесь ни в минуту не прекращались бетонные работы.

Впервые в практике гидроэнергостроительства на Усть-Каменогорской ГЭС сооружен одноканальный шлюз с переводом до сорока метров. Пароход, идущий вверх по реке, будет подниматься на высоту сорока метров, а идущий вниз — на столько же опускается.

Усть-Каменогорская ГЭС — всенародная стройка. Около четырехсот советских заводов поставили стройке на Иртыше оборудование и механизмы.

Строительство завершено. На станции теперь новые хозяева — эксплуатационники. Абакетка, поселок строителей, недавно шумный, постепенно пустеет. Строители уходят вверх по Иртышу к Бухтарме, чтобы совершить новый трудовой подвиг во славу Родины.

Письма друзей

16 мая этого года «Литературная газета» напечатала стихотворение Назыма Хикмета «Разговор с доктором». Поэт рассказывал в своих стихах о том, как врач потрогал его в дни болезни да пощупал покоем сердцу, не тревожить его ни радостью, ни горем, иначе... сердце лопнет, как граната ручья. Назым Хикмет ответил врачу: «Оставьте, доктор. Велье это — сердце. Слышите, как оно бьется? И если от него или от радости разорвется, — пусть разорвется».

После опубликования «Разговора с доктором» в адрес «Литературной газеты» стали приходить письма на имя поэта. В основном стихами Назыма Хикмета, читатели требовали от поэта: всеми средствами бороться с болезнью!

«Он обязан сохранить свое сердце, и если нельзя иначе, то ценой полушария полного «выключенности» из жизни. Без книг, без газет, без гнева и радости, — требовала девушка, подписавшая свое письмо «Комсомолка». — Слышите, Назым Хикмет, чудесный поэт. Вы должны беречь свое сердце, оно нужно людям, нужно Вашей родной Турции, оно слишком дорого. Надо выйти победителем из больницы».

Как бы вспоминали другие стихи Назыма Хикмета о детях, где он пишет и о своем сыне Мемед, оставшемся в Турции, молвику В. Боровлева в письме говорил поэту: «Пусть лечат врачи — это их призвание. Поверьте им до конца», и тогда «Мемед не только Вам «папа» скажет, но вслух прочтет Ваши стихи».

Среди писем, поступивших, как отклик на «Разговор с доктором», пришли и стихи московской комсомолки, техника, работавшей Московского райжудуправления Людмила Смирнова. Вот что она писала:

В эти дни, когда бурно
сидит расцветает,
А над ней глумится
набесный простор,
С грустью нежной,
Сумевши на мгновение
Выйти из сердца своим
повелем разговор.
С табачком вам признаю
быть расставшись,
С вашим давним советом
по стихам,
Не читать до рассвета
и не вольничать
Русской женщиной было
приказано вам.
Через намеренный бурсы
прошло ваше сердце,
Через мир одинокий
несло яркий свет.
Оно было свободно
в творческих застенках,
Ваше сердце,
гордое сердце, Хикмет!
От туманного неба,
от холода тюрем,
Оттого, что земля не цветет
по весне,
Далеко самый спокойный,
покойный, закурит,
Заболит почти каменное
сердце, Хикмет!
Нет! Вы будете лгать,
и лгать, и лгать,
Идти у моря дождя
лазурный рассвет,
И не сможете вечно
не загораться
Ваше сердце,
нежное сердце, Хикмет!
Ваше сердце и радость
великую вынесет,
Когда солнышко востанет,
вспыхнет для вас,
А любимые руки
вас нежно обнимут
и разглядят морщины
у ваших глаз.

Назым Хикмет на прогулке.

И вот, когда Назым Хикмет возматерился из больницы, мы побывали у него на квартире и показали поэту большую пачку стихов и писем — откликов на «Разговор с доктором». Поэт читал их, заметно волнуясь, его глубоко тронула забота незнакомых друзей.

— Радость сердцу не вредит! — сказал он и снова повторил: — Не вредит! Особенно такая большая радость, как эти дорогие весточки моих советских читателей.

Потом он рассказал, как возник «Разговор с доктором». Стихи родились во время тяжелой сердечной болезни, когда Назым Хикмет три месяца неподвижно лежал в постели. Писать ему было запрещено. Но стихи рождались вопреки требованию врачей, рождались и шлифовались в памяти. Назым Хикмет рассказывает, что он старался сделать эти стихи доходчивые, простые, короче.

— Коротко, лаконично писать учила меня сама жизнь, — замечает он, — в тюрьме, помню, читал я стихи соседям по камере. Один старый крестьянин сказал: «Почему ты так длинно и громко говоришь? Учи у народа, песни наши короткие, а мудрые».

Назым Хикмет снова и снова перечитывает письма, полученные от читателей.

— Передайте, — говорит он, — передайте моим друзьям: восемь месяцев не беру я ни папиросу, отвык, даже совсем не тянет, и, улыбаясь, добродушно добавляет: — Как видите, слушаю не только врачей, но и друзей читателей. Рано ложусь спать, по утрам занимаюсь физкультурой, совершаю прогулки.

Сейчас Назым Хикмет работает над одной из начатых еще до болезни пьес.

С. КУЛИКОВ
фото В. ПУШКИНА

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ В МОСКВЕ

По приглашению Союза советских писателей СССР, в Москву приехала австралийская писательница, одна из основательниц группы писателей-реалистов Австралии, драматург Мона Бранд. Она — автор нескольких драматических произведений. Одна из ее пьес — «Путь жизни в стране» — рассказывает о героической борьбе австралийского народа с милитаризмом.

В Москве находится также индийский журналист, корреспондент прогрессивной газеты «Кроссворд», Эдвард Нараянам. В ближайшие дни гости осмотрят достопримечательности столицы, побывают в московских театрах, посетят Союз советских писателей СССР, а затем поедут по стране.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 79 (3108)

Суббота, 4 июля 1953 г.

Цена 40 коп.

„Кризис книги“ в Италии

Джованни ДЖЕРМАНЕТТО

Примерно полтора года тому назад реакционная итальянская газета «Фьера letteraria» обратилась к ряду буржуазных писателей с таким вопросом: «Существует ли сейчас «болезнь века»? Как ее определить? Каковы писатели и произведения, которые являются наиболее ясным свидетельством — как в положительном, так и в отрицательном смысле — современной «болезни века»?».

Замыслив свою анкету, газета отнюдь, конечно, не предполагала, что лица, к которым она обратилась с этим вопросом, действительно укажут источники бедственного положения итальянской экономики и культуры. Совсем наоборот: их ответы должны были унести читателей в сторону от всего, что является в настоящее время «болезнью века» в Италии. Показательны в этом отношении три опубликованных в анкете ответа. Писатель Каррарелли заявил: «Характерной чертой хорошего писателя является его инстинкт самосохранения, его стремление выжить себя, так сказать, спасти себя... Противоположные качества характеризуют плохого писателя, который болен болезнью своего века потому, что он связан со своим временем, а следовательно, испытывает его влияние...» Баттолицкий писатель Уго Бетти ответил: «Болезнь века» в различных аспектах присутствует во всех произведениях последнего периода. Эта болезнь возникает оттого, что люди больше не чувствуют себя достаточно уверенными в своем воскресении после смерти. Требуется снова убедиться в их этом».

Писатель Петронио так сформулировал свой ответ: «...Люди рождены, чтобы страдать, ибо они от рождения духовно несовершенны... Быть может, «болезнь века» нужно назвать одиночеством и неуверенностью».

Мы умышленно задержались на ответах этих трех писателей потому, что, на наш взгляд, они, не отвечая на вопрос, в чем состоит сейчас «болезнь века» в Италии, очень убедительно свидетельствуют о том, в чем состоит «болезнь века» для современной итальянской буржуазной культуры.

Да, эта культура тяжело, безнадежно больна. Она, как свидетельствует Каррарелли, стремится оторваться от насущных задач времени. Она, как подтверждает Уго Бетти, находится во власти клерикальной реакции. Она, как говорит Петронио, старается морально разложить людей, заставить их уверовать в беспомощность борьбы за лучшее будущее. Она, как явствует из всех трех ответов, пренебрегает к лучшими традициями итальянской национальной культуры, несет в народ идеи гуманизма, всегда служившие передовым идеям времени, борющейся с клерикальной реакцией.

Эта болезнь современной итальянской буржуазной культуры является одним из проявлений общей «болезни века», свойственной итальянской буржуазии, равно как и буржуазии других стран. Сущность этой болезни мудро определил И. В. Сталин, сказав, что буржуазия ныне выбросила за борт знания буржуазно-демократических свобод, знамя национальной независимости и национального суверенитета. «Нет сомнения», — говорил И. В. Сталин, — что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации».

Крупная победа, одержанная коммунистической партией Италии на недавних выборах, красноречиво свидетельствует о том, что коммунистическая партия является достойным знаменосцем итальянского народа. Честные люди Италии не могут не видеть, что она не жалует своих сил в борьбе за прочное правительство, отстаивающее мир, за свободу и благосостояние для всех граждан. Неотменимы и усилия, прилагаемые коммунистической партией для развития боевой национальной культуры, служащей народу и избавленной от тех «болезней века», которыми страдает современная буржуазная культура Италии.

Коммунистическая и социалистическая партии сплотили вокруг себя все здоровые культурные силы, все прогрессивную итальянскую интеллигенцию, стремящуюся сделать литературу и искусство достоянием масс.

Одним из доказательств того, как успешно идет эта борьба за объединение всех, кому дорога судьба итальянской культуры, является состоявшийся в этом году в Болонье «Конгресс народной культуры».

О том, что представляла собой Болонский конгресс, убедительно говорят цифры социального состава его участников: учителей — 20 проц., служащих — 18 проц., рабочих и крестьян — 23 проц., студентов — 10 проц., остальные — писатели, поэты, режиссеры и другие деятели культуры. На конгрессе присутствовало более 1200 делегатов. Рядом со студентами и профессорами римского, миланского, туринского университетов сидели рабочие заводов «Фиат», «Реджана»; рядом с самыми известными писателями, поэтами, артистами — крестьяне Южной Италии...

Болонский конгресс продолжался три дня. Состоялась общая дискуссия. Работали многочисленные комиссии, обсуждавшие следующие важные проблемы: распространение культуры; книги и библиотеки; театр и народные представления; вопросы кино, искусства и народной литературы; школа и неграмотность; заводы, газеты, фольклор; повышение культурного уровня женщин и молодежи и др. На заседаниях комиссий выступали деятели культуры, рабочие, крестьяне.

В каком положении находится сейчас итальянская культура и, в частности, книгоиздательское дело?

Вот некоторые статистические данные.

В 1921 году — в последний год правления либеральной и демократической партий — в Италии было издано 11 920 книг (цифры, представленные «Международной ассоциацией защиты авторских прав»). В 1948 году (согласно цифрам, опубликованным газетой христианско-демократической партии «Моменто ди Рома») было издано только 7 500 книг, т. е. всего две трети книг, изданных в 1921 году. В 1950 году эта цифра уменьшилась еще на 13 процентов.

Подобное положение глубоко волнует итальянскую общественность. И не случайно поэтому на съезде итальянских писателей летом 1951 года была принята резолюция, отмечающая угрожающее положение, создавшееся в книгоиздательском деле. Выдержки из этой резолюции были размещены во всех итальянских газетах. Прогрессивная печать глубоко и серьезно стала обсуждать этот вопрос на своих страницах. Ежедневник «Дие нуове» статьи профессора Амброжо Донини открыл широкую дискуссию о кризисе книги в Италии. Остальные итальянские газеты уклонились от обсуждения этой проблемы. Впрочем, газета «Воце республиканка», принадлежащая итальянскому министерству обороны Паччари, заявила, что в южной Италии печатаются лучшие книги, чем в России! Автор опубликованной в «Воце республиканка» статьи добавил, что лучшие советские издания печатаются якобы за границей, и привел в пример журналы «Советская литература» и «Новое время». Вот образец того, как пишут реакционные журналисты в Италии.

Обычно «заметки» итальянской официальной культуры оправдывают кризис книги в Италии тем, что он вызван экономическими условиями жизни трудящихся. Они не замечают, что над тем, что это признает, разоблачают тот режим, который они поддерживают.

Конечно, экономические причины являются определяющими. Согласно официальным данным, в Италии насчитывается более 2 миллионов полностью безработных. (До получения «помощи по плану Маршалла» в Италии было 1.350.000 безработных.) Кроме того, имеется более 4 миллионов частично безработных. Среднемесячный доход семьи составляет 25.787 лир, а прожиточный минимум равен 62 тысячам лир. Во многих областях Южной Италии заработная плата батраков не превышает 10 тысяч лир в месяц. Безработные получают нищенское пособие в течение трех месяцев, после чего они лишаются помощи, даже если и не напали на работу. Пенсионеры получают гроши. Ничтожные пенсии получают также инвалиды войны, вдовы и сироты. Малые коммерсанты и ремесленники обременены налогами и разорваны.

Да, экономические условия широких масс населения чрезвычайно тяжелы, но это не единственная причина кризиса книги. Дело в том, что итальянское правительство выпускает не те книги, которые нужны народу. В целом итальянская литература, за исключением книг немногих прогрессивных писателей, не затрагивает проблем, которые живо интересуют рабочий класс и всех трудящихся. За последние годы итальянская книжная продукция испытала на себе разрушительное влияние полицейских и алкоультерных романов, а также американских гангстерских киножуров.

Книги, выпускаемые сегодня в свет итальянскими издательствами, могут интересовать только тот чрезвычайно узкий слой населения, который описывается в произведениях официальных романистов. Если же выходит книга, в которой итальянское высшее общество описывается так, как оно есть, то наша римская востит ли в ватиканский список запрещенных книг. Так случилось с произведениями известного писателя Альберто Моравиа.

Зато ни в какие «запретительные списки» не анносятся появляющиеся за последние годы в большом количестве мемуары бывших фашистских главарей и битых маршалов, как, например, маршала Мессе, которого разбили на советско-германском фронте. Христианско-демократическое правительство не только допускает эти безобразия, но и выступает против тех, кто «обожает» этих синьоров, которые в свое время довели Италию до катастрофы, а теперь выслушивают перед американцами.

При обсуждении «кризиса книги» остро встал вопрос о том, что в Италии еще немногие писатели, даже занимающие прогрессивные позиции в общественной жизни, создают произведения на жизненно важные, актуальные, близкие народу темы. За последнее время вышло несколько таких книг, но число их попрежнему остается еще далеко не достаточным.

Тепло встретила итальянская прогрессивная критика роман Либро Бидаччетти «Карло». Жизнь одного итальянца», рассказывающий о том, как простой трудящийся приходит в ряды коммунистов. Карло Барбани выпустил яркую книгу «Везувий и хлеб». Виско Пратоллини написал повесть «Девушки из Санфелиано». В этих произведениях лавы картины народной жизни; они не лишены недостатков, но читаются хорошо, имеют успех.

Эрико Дамаси опубликовал «Историю литературы славянских народов». Книга не является всеобъемлющей, но тем не менее представляет определенный интерес.

Прогрессивное издательство «Социальная культура», удовлетворяя горячий интерес

к советской литературе, выпустило книги: «Звезда» Э. Казакевича, «Весна в Сакене» Г. Гулла, «Мы — советские люди» Б. Полевото, «Сражающийся Китай» К. Симонова, «Смел полка» В. Катаева, романы Ванды Василевской. Вышли также избранные произведения Максима Горького, «Первый удар» Анны Стиля. Эти произведения всегда выходят большим тиражом и тем не менее быстро расходятся. Когда издательство «Универсале экономика» предприняло издание классиков мировой литературы (Бальзак, Гюго, Чехов и т. д.), стало выискивать произведения советских авторов, книги прогрессивных писателей, воспоминания партизан, то тиражи этих произведений немедленно подымались до 10, 20, 30 и даже 50 тысяч экземпляров. А книга Анри Барбюса «Сталин» разошлась в 75 тысяч экземпляров. Несколько названий выдержала «Молодая гвардия» А. Фадеева, полностью распродав издание книги М. Садояну «Митри Кокор», китайской драмы «Седая девушка». Так происходит со всеми книгами советских писателей и писателей стран народной демократии. Можно сказать, что большими тиражами выпускают книги только издательство «Универсале экономика», а также издательство итальянской коммунистической партии. Это относится, разумеется, и к изданиям произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, произведений Грэмши, Толстаева.

Если на книжный рынок выходит действительно хорошая книга, то ее раскупают даже при нынешнем экономическом положении. Дело, следовательно, не только в тяжелых экономических условиях. Трудящиеся тянутся к хорошей книге, к образованию.

Очень интересным было выступление на Болонском конгрессе рабочего Камполини, редактора газеты «Воце АТМ» (Голос Союза миланских трамвайщиков). Он сказал: «Мы публикуем в нашей газете историю славной борьбы миланских трамвайщиков. У нас есть рубрика «Писатели из народа», где мы печатаем произведения, присланные в редакцию нашими читателями. Каждую пятницу реакция организует вечера с участием писателей, поэтов, критиков. Мы выпускаем литературно-политический календарь, на который подписано 12 тысяч миланских трамвайщиков».

Недавно итальянская Всеобщая конфедерация труда опубликовала сборник новелл, написанных рабочими для литературного конкурса, организованного журналом «Лаворо» («Труд»).

Мы можем отметить широкое развитие фольклорного искусства во многих областях Италии. Мы узнали о поэтах-импровизаторах из Тосканы, о народных певцах в Лациуме, о традиционных представлениях в деревнях Сицилии. Эти формы народного искусства всегда бывали прекрасно представлены на ежегодных празднествах газет «Унита».

Большое внимание прогрессивные организации уделяют культурному воспитанию женщин. В Италии, где женщины лишь формально обладают равными правами с мужчинами, где в трудовой семье девочки обычно обречены на религиозное воспитание, эта проблема чрезвычайно остра. Наша прогрессивная женская печать оказывает большую помощь в области культурного развития итальянских женщин, над которыми тяготеет свиной груз невежества и суеверий. Конгресс женской печати, проходивший в октаре прошлого года в Риме, заложил основы «Женских культурных объединений», развивших широкую деятельность в таких городах, как Неаполь, Флоренция, Палермо. Огромное политическое и организационное значение имел недавний Съезд итальянских женщин, созванный по инициативе Союза итальянских женщин. Впервые в Италии с трибуны съезда женщины заявили во весь голос о своих правах на участие в политической и культурной жизни страны.

Ряд полезных мероприятий проведен нашими общественными организациями в сфере воспитания молодежи. Хорошим начинанием была «Неделя детской книги». При многих рабочих клубах созданы сейчас детские библиотеки.

В то время как итальянская буржуазия отбрасывает судьбы нашей страны в руки заантлантического хозяина, выбрасывая за борт знамя национальной независимости, трудящиеся массы и их авангард — коммунистическая партия вместе с социалистами и со всеми искренними демократами — понимают это знамя. Борьба за свою независимость, они одновременно борются за культурное достояние Италии, за наших великих ученых, писателей и поэтов, артистов, которые прославляли нашу страну и внесли свой драгоценный вклад в мировую культуру.

И, как всегда, в этой борьбе за свободу и за культуру великим примером для нас является Советский Союз. Никакой занавес печатной лжи не может воспрепятствовать итальянскому народу узнать правду о победах страны Советов. Нельзя скрыть, что в Советской стране все трудящиеся любой национальности могут поступить в университет, в то время как у нас в столице Италии 30 тысяч детей не посещают начальной школы. Нельзя скрыть, что в СССР книг выпускается во много раз больше, чем в капиталистических странах.

«Болезнь века», истинные причины которой «карликовые «карлики» из газеты «Фьера letteraria» и других органов реакционной прессы пытаются скрыть за плотной лезной словесного тумана, продолжают действовать на итальянскую буржуазную культуру с неумолимо разрушительной силой.

И «кризис книги» в Италии — одно из злободневных последствий этой болезни.

Международные отклики

ВДОХНОВИТЕЛИ ДИВЕРСИИ И ПРОВОКАЦИИ

В середине июня, в те самые дни, когда иностранные наймиты организовали в Берлине фашистскую провокацию, в американском конгрессе проходило обсуждение новых ассигнований на так называемую военную помощь иностранным государствам. Эта помощь, как известно, предоставляется по «закону о взаимном обеспечении безопасности», принятом еще в 1951 году. Центральная печать уже сообщила, что 2 июля сенат США ассигновал для этих целей на очередной финансовый год 5318 миллионов долларов.

Может показаться, на первый взгляд, что между упомянутыми выше двумя событиями, одно из которых имело место в Берлине, а другое — в Вашингтоне, нет прямой связи. Но так ли это? Известная поправка Керстена к «закону о взаимном обеспечении безопасности» предоставляет американскому правительству право использовать определенную часть ассигнованных средств на финансирование подпольной диверсионной деятельности на территории Советского Союза и других миролюбивых государств. Как показывают факты, сфера действия этого «подпольного закона» так именуется, часто зарубежная печать — непрерывно расширяется. 13 июня американское агентство Юнайтед Пресс сообщило, что правительство США не дожидаясь принятия законопроекта об ассигновании на военную помощь в целом, добилось первоначального одобрения конгрессом средств для финансирования «антикоммунистического подполья». Для этой цели было ассигновано на этот раз 95.700 тысяч долларов. В сообщении Юнайтед Пресс специально подчеркивается, что если раньше использование этих средств ограничивалось только Европой, то теперь оно будет распространено и на страны Азии.

Итак, снова огромные средства ассигнованы на расширение шпионской и диверсионной сети США в демократических странах, на поддержку деятельности по вождению и беспорядкам. Ведь именно всемирно, провокаторы и диверсанты и пытались вызвать беспорядки в Берлине. За день до провокации 17 июня выходящий в Берлине официальный бюллетень «Бюнкер аусенполитике» корреспонденции писала, что в ближайшем будущем может наступить в действие политика «освобождения Европы» и что «в результате этого могут быть вызваны инциденты».

Что же представляет собой эта политика «освобождения Европы»? Ответ на этот вопрос трудно найти в американской печати. Недавно в журнале «Зис уик мэгэзин» была опубликована на эту тему статья Джеймса Берхэмса, одного из идеологов американской реакции. Шпионская и подрывная деятельность против демократических стран демогагической деятельности Берхэмсом и ему подобными «политикой освобождения».

В своей статье Джеймс Берхэмс призывает неуклонно проводить пресловутую «политику освобождения» — политику диверсии против миролюбивых народов, «независимо от того, насколько сложны и трудновыполнимы могут оказаться детали ее применения». Говоря об этой политике, Берхэмс имеет в виду, как он сам разъясняет, «то, что обычно рассматривается как «провокационные действия».

Надо сказать, Джеймс Берхэмс вряд ли может пожаловаться на то, что его советы и рецепты не были использованы правящими кругами США — за последние годы немалое число американских диверсантов и шпионов было поймано на месте преступления в демократических странах. Политика диверсии лежала и в основе провокации, организованной иностранными наймитами в Берлине. Теперь вдохновители этой провокации стараются замести следы преступления.

Весьма характерно, что американский комедант, как и комеданты других западных секторов Берлина, в своем письме команданту восточного сектора Берлина генерал-майору Диброву потрудились заявить о непричастности западных держав к событиям 17 июня. Однако даже буржуазная печать США и Западной Европы открыто рассматривает провокацию в Берлине, как прямой результат американской политики «психологической войны», поддерживаемой другими западными державами.

Лондонский еженедельник «Нью стейтсмен энд нейшн» пишет в связи с этим, что «миллионы долларов расходуются на американскую пропаганду в Германии и, в частности, на организацию «политического движения» в Германской Демократической Республике. Журнал прямо признает, что «целью этого не могло бы произойти (имея в виду события 17 июня. — Лт.) если бы Западные Берлин не занимал исключительного положения аванпоста в сердце Восточной Германии».

И даже теперь, когда фашистская авантюра в Берлине провалилась, когда широкие народные массы всех стран осудили организаторов этой провокации, на страницах реакционной западной прессы продолжается клеветническая кампания против ГДР и стран народной демократии, раздуваются призывы к организации новых провокаций в еще более широких масштабах. Так, в «Нью-Йорк геральд трибюн» небезызвестные братья Олсон пишут, что ради этого «стоит пойти на значительный риск». Они цинично говорят о необходимости создания в странах народной демократии «активного подполья» из антинародных, реакционных сил. Они распространяются о «правильных мерах поддержки правительства при помощи простой радиоагитации». Другая газета крупных финансистов США — «Уолл-стрит джорнэл» откровенно признает, что американская реакция намерена попытаться вызвать «саботаж, пассивное сопротивление, открытые требования и небольшие восстания».

В свете подобных рассуждений ведущих органов печати США кто же поверит в «непричастность» определенных американских кругов к событиям в Берлине?

Откровенные заявления американской реакционной печати свидетельствуют о том, что кое-что за океаном не излек уроков из провала фашистской провокации в Берлине. Об этом, в частности, говорит и такой факт, как успешная передача Соединенными Штатами 50 миллионов долларов в распоряжение обербургомистра Западного Берлина Эрнста Рейтера, одного из непосредственных руководителей фашистской провокации 17 июня. Так монополистические круги, заинтересованные в сохранении напряженности международных отношений, стараются подбодрить своих агентов и вынашивают планы новых провокационных актов, которые должны, по мысли их вдохновителей, помешать налаживанию международного сотрудничества.

Опыт истории показывает, что политика диверсии и провокации, к которой прибегают всегда реакционеры, неизбежно несет печать краха, развиваясь о бдительность народов, защищающих независимость, демократию и мир. Несомненно, что обречены на провал и любые новые попытки такого рода.

ЛИТЕРАТОР

История одной медали

Выпускной вечер в женской школе. Вот уже почти все девятюно ученицы получили аттестаты зрелости, когда к директору школы подошел... юноша. И ему директор вручил документ об окончании Киевской женской школы № 33.

Несколько лет назад ученицы этой школы узнали, что по соседству с ними живет прикованный тяжелой болезнью к постели мальчик — Женя Красавцев. Девочки решили помочь ему получить среднее образование. Они пришли в гости к мальчику, разговаривали с ним как с равным, предлагали заниматься вместе. Женя с радостью согласился.

С того дня на квартиру к больному стали ходить те ученицы, то учителя женской школы. Женя старался учиться хорошо и каждый год успешно переходил из класса в класс. Настоящей и крепкой была эта дружба девочек с больным мальчиком, она благотворно влияла и на его здоровье.

Естественно, что по выздоровлении Женя пожелал продолжать учиться в этой же школе. Он окончил ее, получил аттестат зрелости. За отличные успехи в учебе Евгений Красавцев представлен к золотой медали.

Вечер закончился. Но никто не расходился, идут разговоры о том, кто кем хочет быть. Одни — историками или врачами, другие — инженерами или актрисами, третьи — геологами или летчиками. — Давайте об этом поговорим у Днепра! — предложил кто-то, и школа быстро опустела.

По давней традиции киевлян, передающейся из поколения в поколение, выпускники направлялись в парк над Днепром встречать ранний рассвет. Там уже собрались сотни юношей и девушек из других школ. Весной в парке звучали песни и смех, но когда задалась заря, юноши и девушки, словно сговорившись, умолкли, наблюдая, как за днепровским плесом подымалось солнце.

Так радостно встретили утро нового дня девятюно девушек и один юноша, окончившие 33-ю женскую школу Киева.

Л. ЗЕМЛЯКОВ,
Б. ХАНДРОС

Рис. Бор. ЕФИМОВА

МИНУСИНСКИЕ САДЫ

Человеку, привыкшему слышать и читать о Сибири, как о суровом крае, с лютыми морозами и губительными ветрами, кажется невероятным, что под Минусинском, близ отрогов седых Саян, могут цвести и плодоносить сады. Прежде утверждали, что в Сибири невозможно разводить сады, выращивать малину, крыжовник. Этнограф Кастер писал, что Минусинск окружат голые степи и песчаные пустыни.

Как изменился пейзаж здешних мест, особенно за последние пятнадцать-двадцать лет! На степных просторах колхозники выращивают отменный урожай яровой пшеницы — основной пищевой культуры. Радует глаз сады. На редкость хороши они в мае, когда цветут. И цветут не какие-нибудь дикие или полудикие, а самые настоящие культурные плодовые деревья.

Сибирские садоводы одержали победу в борьбе с выпадками природы, пятидесятиградусными морозами и жгучими ветрами. Колхозники научились разводить и культивировать сады, чтобы уберечь их от морозов, и выращивать обычные яблоны и груши во весь их рост — штамбовой формы, как говорят ученые.

Можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что Минусинский район — пионер массового садоводства в Красноярском крае. В самом деле, если в 1934 году в районе было лишь семьдесят гектаров садов, то в 1942 году только в колхозах насчитывалось уже свыше шестидесяти гектаров, а в прошлом году — почти восемьсот. К концу нынешнего года площадь под плодовыми насаждениями будет расширяться еще на сто гектаров.

Эти цифры говорят о многом. Они свидетельствуют о том, что минусинские колхозы в суровых климатических условиях Сибири сумели создать новую для здешних мест отрасль сельского хозяйства — плодородие. И это сделано не в ущерб другим отраслям колхозного производства. Район занимает первое место в крае по валовому сбору зерна. Успешно развивается в районе и животноводство. За высокие урожаи пшеницы и достижения в животноводстве 39 колхозников и специалистов удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Важно отметить, что одновременно с расширением колхозных садов росла и их урожайность. Пять лет назад валовой сбор яблок и крупноплодных яблок в районе составлял около четырех тысяч центнеров, а в прошлом сезоне — в пять раз больше. Сады приносят большие доходы. В прошлом году колхоз имени Ленина, например, от продажи яблок получил шестнадцать тысяч рублей, «Объединенный труд» — четыреста тысяч, «За коммунизм» — триста с лишним тысяч рублей.

Чем объяснить, что на районах Красноярского края, да и, пожалуй, всей Сибири наиболее быстро развивается садоводство именно в Минусинском районе? Может быть, тут наиболее подходящие условия?

Объясняется все довольно просто. Последние десять-пятнадцать лет районом руководили люди, которые по достижению оценили значение плодородия, серьезно занялись развитием этой важной отрасли сельского хозяйства, сами стали страстными энтузиастами-садоводами. Секретарь райкома партии, Герой Социалистического Труда Николай Васильевич Шпруг — коренной сибиряк, родился неподалеку от Минусинска, в Сибири начал свою трудовую жизнь, здесь же вступил в Коммунистическую партию. Несмотря на большую занятость, Николай Васильевич находит время покопаться в своем саду, где у него и яблоны, и вишни. Хозяин сам посадил и вырастил деревья, сам за ними ухаживает. Шпруг настоятельно привлекает любовь к садоводству председателей колхозов, бригадиров, советует им, что почитать, помогает достать саженцы.

С. ЛАТЫШЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Таких же страстных садоводами показали себя бывший председатель исполкома Минусинского районного Совета Иван Илларионович Штроило (ныне секретарь Емельяновского райкома партии) и бывший заведующий районным отделом сельского хозяйства Георгий Андреевич Рузавки. Оба они — Герои Социалистического Труда, многое сделали для развития садоводства в Минусинском районе.

Большую помощь оказывают колхозным садоводам научные сотрудники Минусинского плодово-ягодного опытного поля. Из двухсот сортов плодово-ягодных насаждений, изученных на опытном поле, колхозникам рекомендованы самые морозостойкие и высокоурожайные сорта. В районе создан питомник. За двадцать лет в нем выращено свыше полутора миллионов саженцев.

На опытном поле выведен десяток новых сортов яблок, смородины и малины, определена наиболее удобная для местных климатических условий форма минусинского стланца (стелющейся яблони). В сибирских условиях нужен особенно выносливый и любовный уход за садами. Деревья зимой приходится «закрывать» — укрывать соломой, бурьяном, камышом, землей, а иногда и снегом. Научные сотрудники опытного поля разработали для колхозов новую систему агротехнических мер по уходу за садами.

Колхозники с уважением говорят о научных работниках — В. Шевченко, Е. Куманов, Д. Балашовых. Они — частые и желанные гости в колхозах, проверяют состояние садов, советуют, какие применять агротехнические приемы, чтобы собрать высокие урожаи плодов, проводят семинары. Опытное поле стало подлинным центром садоводческой культуры в районе.

Опора опытного поля — колхозные садоводы-опытники. Это настоящие энтузиасты колхозного садоводства, преобразователи природы, мичуринцы. Рядом с общинными колхозными садами заложены небольшие участки с плодово-ягодными насаждениями для опытов и селекционной работы.

Широко известен среди садоводов Минусинска и всей Сибири талантливый мичуринец Павел Сергеевич Ермолаев из артели «Объединенный труд». Его стараниями в колхозе создан сад площадью в сорок с лишним гектаров. Ермолаев — человек пылкий, настойчивый, глубоко любящий и знающий свое дело. Встретиться с ним — большое счастье. Встретиться с ним — большое счастье. Встретиться с ним — большое счастье.

— Это садово-вишневый гибриды, — объясняет Павел Сергеевич, — и, если озабочено счастьем садоводов. — Третий год уже плодоносят. И плоды какие! Темноокрасные, сочные, нежные. Каждая ягода весит шестнадцать граммов. Нет, вы не поймете, какое это чудо — садово-вишневый гибриды! Приезжайте к нам осенью: попробуйте — тогда оцените.

За долгие годы работы в колхозе Павел Сергеевич Ермолаев вывел десятки новых сортов плодовых деревьев. Многие из них — ранетки Ермолаева, шафран-сибиряк, шафран-пухляк, а также и другие — получили широкое распространение за пределами Минусинска.

Назову еще одного знаменитого садовода опытного поля. Это 70-летний колхозный селекционер Филипп Иванович Гребнев из артели имени Ленина. Выведенные им сорта плодово-ягодных культур пользуются большой славы в различных районах Сибири. У опытников учатся молодые. Хорошие кадры готовят краевая школа садоводов,

находящаяся в Минусинске. Двести ее выпускников работают в колхозах. Нередко случается, что курсанты проходят практику у бывших питомцев школы. В артели «За коммунизм» я видел, как группа учащихся школы закладывала новый сад. Руководил работами бывший ее воспитанник, ныне колхозный садовод Владимир Гладков. Ему 17 лет, однако колхоз доверил ему сад, раскинувшийся более чем на сорока гектарах.

До сих пор говорились о достижениях минусинских садоводов, о том, как они обновляют землю, преобразуют край. Но стоит рассказать и о том, что еще не сделано, какие трудности приходится преодолевать, чтобы двигать вперед садоводство в Сибири. Известно, например, что для нормального развития плодовых деревьев требуется не менее четырехсот-пятисот миллиметров осадков в год. В Минусинском районе их выпадает значительно меньше. Отсюда задача — поливать сады, чтобы они быстрее развивались, лучше плодоносили.

Научные работники опытного поля утверждают: — Плодоносящему дереву только в первую половину лета нужно дать, примерно, девятую часть воды.

Подсчитано, что в саду колхоза имени Ленина растет около тридцати тысяч деревьев. Чтобы обеспечить их влагой, нужно более двух миллионов ведер воды. Попробуйте сделать это вручную!

И первое, что добиваются минусинцы, — и давно добиваются! — это механизация полива садов. В районе все, что можно было сделать своими силами, уже сделано. Для полива нужны насосы, трубы и прочее. Завязки на них район ежегодно поставляет в красное управление сельского хозяйства и заготовок, но требования садоводов, как правило, остаются неудовлетворенными.

Наско оснащены колхозы и механизмами для ухода за садами. Даже опытное поле не обеспечено ими! Министерство сельского хозяйства и заготовок РСФСР хорошо осведомлено о нуждах минусинцев, но действенной помощи сибирским садоводам не оказывает.

Колхозные садоводы и районные работники серьезно ставят вопрос о реализации продуктов садоводства. В прошлом году, например, колхозы заполнили яблоками магазины и рынки Минусинска, Абакана, Черногогорска. Сотни тонн фруктов могли бы отправиться в Красноярск, Ачинск, Енисейск. Однако речники и железнодорожники не смогли обеспечить колхозы транспортом, да и тара не была заготовлена.

Конечно, можно и не возить фрукты за шестистот-семьсот километров, а перерабатывать их на месте, но для этого нужны плодотворно-перерабатывающие предприятия. А их-то как раз и нет в Минусинске.

Досадно, что краевые организации, в первую очередь красное управление сельского хозяйства, слабо используют богатый опыт минусинских садоводов. Как ни странно, но факт, что в девятнадцать районов края совсем нет садов, а ведь их можно разводить на землях, простоявших внаполье до Марки. Если сушить по климатическим и почвенным условиям, то, скажем, в Ермаковском, Бейском, Аскизском, Усть-Абаканском и других районах они гораздо лучше, чем в Минусинском. Тем не менее плодовые насаждения здесь занимаются слабо. Думается, что нет вкуса и должной любви к такому большому делу, как садоводство, у начальства краевого управления сельского хозяйства и заготовок тов. Карпенко и его заместителя тов. Седезнева.

Еще до войны в крае звучал призыв: «Бажоному колхозу — фруктовый сад!» Что ж, это вполне под силу красноярским колхозам!

МИНУСИНСК — КРАСНОЯРСК

ОТ МОСКВЫ ДО ЯКУТСКА...

На заседании комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения В. Г. Короленко

В 1881 году В. Г. Короленко поселился в двухэтажном доме в Якутске, в слободе Амге, куда был сослан за отказ от присяги новому царю, Александру III. Несмотря на тяжелые условия ссылки, писатель трудился без устали: работал над своими литературными произведениями, занимался живописью, шил сапоги для якутов и учил русскую грамоту двадцати якутских детей. Сейчас в Амге больше пятидесяти школьников, но нет школы, которая носила бы имя В. Г. Короленко.

Об этом шла речь в Союзе советских писателей СССР на заседании комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения В. Г. Короленко под председательством Ф. Гладкова. Комиссия решила постановить перед правительством Якутской АССР вопрос о присвоении Амгинской школе имени писателя.

На этом же заседании сообщено, как будет отмечена память В. Г. Короленко в республиках, краях и областях. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний и его отделения организуют в июле и августе лекции, беседы и лекции о жизни и творчестве писателя; в ближайшее время на территории его произведения, в программу которых включены его произведения. Литературно-художественные журналы опубликуют статьи. Министерство связи СССР выпускает почтовые марки с изображением В. Г. Короленко.

В день рождения писателя, 27 июля, в Москве Союз советских писателей СССР проведет торжественное заседание, на котором после доклада о жизни и творчестве В. Г. Короленко будут исполнены отрывки из произведений писателя. Заседания, посвященные памяти В. Г. Короленко, состоятся также в Ленинграде, Якутске, Горьком, Полтаве.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

из хроники культурной жизни

Присуждение премий. Совет Министров Казахской ССР присудил первую премию имени Абая Кунаубаеву Г. Мустафину за роман «Колхозники», вторую премию — И. Звереву за книгу рассказов и очерков «У лесного костра». А. Наурбаеву — за скульптуру «Облаки». Премия присуждена И. Звереву за музыкальное произведение «Открытые ак алты» («Белое золото юга»). Первая премия имени Джамбула Джамбаева присуждена за канату «Огни коммунизма», вторая — С. Мухомеджанову — за симфоническую поэму для оркестра на стихи народных инструментов «Родина радости».

Опера «Мазепа» поставлена студентами. Студенты-выпускники государственной консерватории в Риге показали на сцене Латвийского театра оперы и балета оперу П. Чайковского «Мазепа». Партию Мазепы исполнил Л. Куркович, Марию — Р. Малинь, Юлию — И. Бушину.

У художников Закавказья. В Тбилиси состоялась творческая конференция художников Грузии, Армении и Азербайджана. Конференция была открыта в связи с экспонированием в Тбилиси Всесоюзной художественной выставки 1952 года.

Бульвар на Крещатике. Вдоль главной улицы Киева — Крещатика — создается бульвар. Асфальтированная панель будет отделана от зеленой зоны бульваром гранитным покрытием и откосом, украшенным декоративными растениями. От откоса начнется терраса бульвара. Она соединится с панелью гранитными лестницами, которые будут оформлены скульптурными композициями вазонами.

Бульвар украсит большое количество деревьев, цветов, а также фонтаны.

Научный труд секретаря райкома партии. Ученый совет Института земледелия имени Вильяма в Алма-Ате присудил почетные награды кандидату сельскохозяйственных наук А. Закирченко, бывшему агроному колхоза «За коммунизм» в Казахской области. Свою диссертацию А. Закирченко посвятил агротехнике многолетних трав в условиях Казахской области.

Путевки для колхозников. Колхозные массы взаимопомощи Красноярского края организовали отдых и лечение членов сельхозкооперативов, приобретя тысячи путевок в дома отдыха и санатории Черноморского побережья Кавказа, Кубани, Крыма и Ставрополья.

В пустыне Кызыл-Кум. Огромные старинные каменные овец находятся сейчас в пустыне Кызыл-Кум. Для культурного обслуживания чабанов туда направлены агитационные бригады. Чабаны могут познакомиться поближе, получить в библиотеке агитационный материал, послушать лекцию.

В СЕЛЬМАГЕ

В центре села стоит дом, широкие окна которого сразу же привлекают внимание: здесь, как на витрине городского магазина, нарядно представлены товары — ткани, посуда, книги, детские игрушки... Чего только нет в магазине села Стрелецкого, Ядринского района!

Внешне это село ничем не отличается от многих других сел и деревень Чувашии АССР: такие же деревянные домики с занавесками и цветами на окнах; такие же зеленые улицы; такие же обширные здания колхозных ферм... Жители села — члены колхоза имени Буденного. Не так богат он, как, скажем, прославленная артель имени Сталина, Вурнарского района, но и не беден. В прошлом году колхозники получили на трудодень по три килограмма зерна да по три рубля деньгами. Колхоз с каждым годом растет; крепнет его экономика, а вместе с тем возрастает и спрос колхозников на разнообразные товары.

Одна колхозница сказала нам: — Не могу пожаловаться, в нашем сельмаге есть что купить...

И в самом деле, стоит войти в сельмаг, чтобы убедиться, что колхозница права. В просторном и светлом помещении не только за прилавками, но и вдоль стен — у входных дверей — можно увидеть аккуратно разложенные или расставленные товары. Здесь есть все, что украсит быт колхозного села: радиоприемники, шкафы и стулья, готовое платье и шелковые ткани, часы и парфюмерия.

В магазине образцовый порядок и чистота. Продавец Екатерина Ивановна Труновская, работавшая раньше в городе Горьком, беседует с нами о спросе покупателей.

Впрочем, ей некогда рассказывать о том, что здесь покупают колхозники, да, пожалуй, и незачем. Мы сами видим, как колхозница выбирает модельные туфли, присматриваясь к марке обувной фабрики, а парня, внимательно оглядывая велосипед, велосипедист обсуждают преимущества «харьковских» и «горьковских» по сравнению с «минскими». Пожилая женщина покупает ребенку книжку. А вот подростки «спринтуются» к фотоаппарату.

Товары быстро расходятся. Савомаров не остался на полке; велосипеды тоже разошлись — надо уже подумать о новом заводе; радиоприемники, особенно таких дешевых и удобных в сельских условиях, как «Тула», всегда не хватает. Учительницы просят заветные дамские велосипеды; модные колхозницы требуют дамские ручные часы. Большой спрос на туфли, на шатальное полотно...

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Екатерина Ивановна Труновская наладила культурную торговлю в Стрелецком. Дело не только в том, что она умеет показывать «товар лицом», что вежливо разговаривает с покупателями, предлагая им что-нибудь, высказывая претензии. Она заведет специальную тетрадь, в которой отражен спрос на товары. Колхозники требуют, чтобы в сельмаге было побольше шерстяных тканей, — и Екатерина Ивановна начавшая; колхозникам нужны швейные машины, — и Екатерина Ивановна настойчиво требует их от председателя райпотребсоюза тов. Юрзова. Она сидит за ассортиментом и всегда стоит на страже интересов покупателя.

В нашем присутствии Труновская выговаривала председателю сельсовета тов. Пондеву:

— Как же это так: в инструкции сказано, что при каждой велосипедке имеется «аптечка», а ее нет? Почему вы на базе не проверяете? Или думаете, что колхозник не читает инструкции?

Да, колхозники читают «инструкции» и отлично разбираются в качестве товаров.

Они критикуют кооператоров, если те, выставив в магазине радиоприемники, не позаботятся о «питании» к ним. Разве не хватает батарей на базе? Нам стулья. Бажоному хочется приобрести хороший стул, а их-то как раз и нет в магазине...

Не так давно в чувашской деревне было принято спать на печи, на полках, а то и на полу. Теперь это в прошлом. Свидетельство тому — большой спрос в сельмаге на кровати, причем колхозники интересуются не только простыми железными койками; хочется купить кровать подороже — никелированную.

Мы беседуем с рядовой колхозницей Екатериной Степановной Котергиной о делах артели имени Буденного, об урожаях, доходах колхозников, их нуждах и запросах. Екатерина Степановна замечает с улыбкой:

— Скажут, будто мы кое в чем уже переиграли лучших в Чувашии Большевский колхоз имени Сталина. Там ведь нет такого сельмага. Ну, а мы все-таки найдем своим кооператорам. Подумайте только, недавно нам с мужем пришлось по пустяку ехать в Чебоксары. Дочку вылавливал замуч. так потребовалось купить тушь, нужные были и хорошие закуски для свадьбы. Ну, а в нашем сельмаге как раз этого не оказалось...

В селе Стрелецком, в его образцовом сельмаге, невольно вспоминаешь былые времена — «сельмаги» голодной, отсталой деревни, грязные, тесные лавки, в которых крестьянки покупали самое необходимое: соль, спички, керосин, фетили для ламп... Давно ли это было? Три с половиной десятка лет назад...

Ныне у колхозника есть достаток, деньги, которые он хочет потратить на полезные и красивые вещи. Если исключить отдельные «камерные» случаи, то можно утверждать, что стрелецкий сельмаг способен удовлетворить насущные потребности своих покупателей.

Но вот вопрос: все ли сделано для того, чтобы всюду в республике покупателям были так же удовлетворены, как стрелецкие колхозники? Нет, стрелецкий сельмаг пока что фигурирует в Чувашии, как «один из лучших».

Теперь в каждом районе Чувашии есть раймаг; в республике создано 150 сельмагов и 1.200 лавок, где можно купить товары первой необходимости. Но как далеко было нам попасть в образцовый стрелецкий сельмаг в сельский магазин деревни Кыр-Касы, Ишлейского района.

По совети говоря, колхозники «обходят» этот сельмаг. Председатель райпотребсоюза тов. Артемьев и председатель сельсовета тов. Емельянов формально отнеслись к созданию «торговой точки». Старенький деревянный сарайчик они наполнили разными товарами «перемешку».

Надо прямо сказать, что чувашские кооператоры еще недостаточно заботятся об улучшении работы сельских магазинов. Нет глубокого изучения спроса, нет работы, нет постоянной заботы о том, чтобы удовлетворить нужды населения.

У меня такое впечатление, — сказал нам секретарь Ядринского райкома партии тов. Хромов, — что наши кооператоры боятся брать товар на базис: «Вдруг не продадим». А у нас любой товар пойдет! Но только хороший, высококачественный!

Справедливые слова! Продавцы стрелецкого сельмага не боятся этого. Они хорошо знают, какие товары нужны населению и какие товары продвинуты. Они проявляют настоящую заботу о потребителе.

Хотелось бы, чтобы и остальные 149 сельмагов Чувашии были похожи на стрелецкий. Это ведь вполне осуществимо.

Ф. КРАВЧЕНКО,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ЧЕБОКСАРЫ

Сергей МИХАЛКОВ

Соринка

КОМЕДИЯ В СТИХАХ *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Кузьма Кузьмич ЧЕСНОВ — генерал-майор в отставке, 60 лет
Софрон Тарасович СОРИНКА — кандидат наук, 50 лет
Олимпиа Павловна — его жена, 35 лет
Митрофан Петрович ТИТОВ, по прозвищу Маманегорой, — колхозник, а потом сторож на даче Соринки, 55 лет
Акимовна — его жена, 50 лет
Полина — домработница на даче Соринки, 20 лет
Дуня — полненькая на даче Соринки, 40 лет
Плотник — колхозник
Действие происходит в наши дни, в лесной дачной местности, километрах в шестидесяти от города.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Угол дачи на еще не обжитом лесном участке. Деревья подступают к самому дому. На недостроенной веранде плотничат Маманегорой. Возле дачи, на земле, сложены в штабеля новые доски.

Появляются Кузьма Кузьмич Чеснов и Софрон Тарасович Соринка. Чеснов в форме генерала в отставке. Он немного прихрамывает на левую ногу и потому опирается на трость. Соринка в белом чечуновом костюме и соломенной шляпе.

Маманегорой пристанавливает работу и смотрит в сторону подошедших. Закуривает. Издалека доносится стук молотка — где-то кто-то прибавляет.

СОРИНКА
(смотрит на курящего плотника)
Ты, Маманегорой, мне лачу не спали! Недавно, эдак вот, одну уже сожгли... Понятно?

МАМАНЕГОРОЙ
А я, Софрон Тарасович, аккуратно... (Осторожно сглатывает пепел в ладони) Надувал я бросать курить...

Да все не соберусь зайти к одной старушке —

Она, было, бралась меня затворить.

СОРИНКА
Бросать — бросай, да не на эти стружки. (Показывает на стружки, лежащие на полу веранды. Затем обращается к Чеснову)

Ну вот, Кузьма Кузьмич, и все мое владенье.

Какое будет меньше?

Что скажешь?

Хорошие места, как погляжу. (Присаживает на доску)

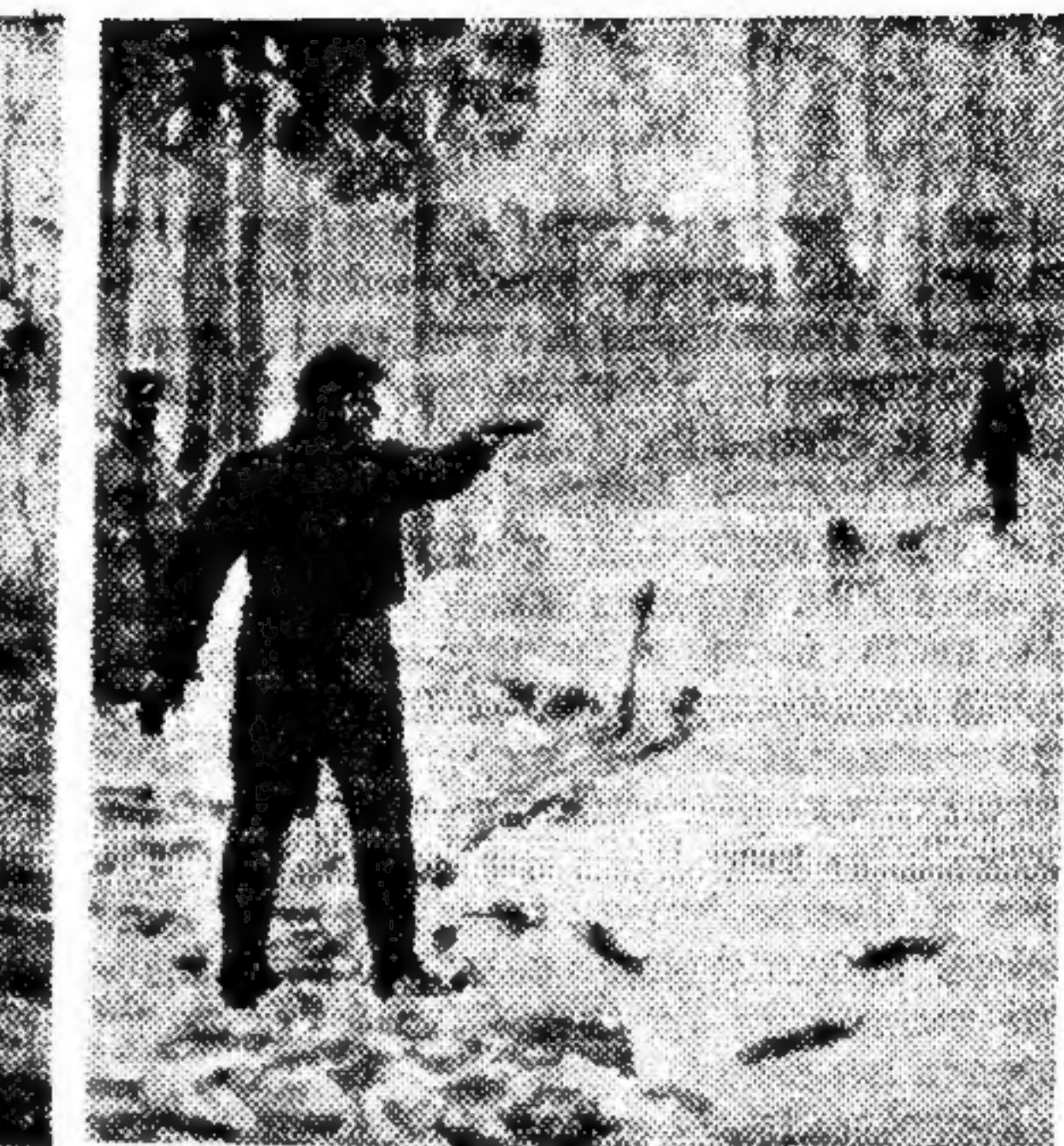
СОРИНКА
(сидит рядом)

А, главное, река —

* Право первой постановки в Москве принадлежит театру сатиры.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

2 4 июля 1953 г. № 79

ДОЧЬ РАБОЧЕГО ПРЕДМЕСТЬЯ

«Если одиночная камера твоя не многим больше бочки из-под яблочного сидра, а решетка перечеркнула ключок неба, то не устанешь думать о тех днях, когда ты покинешь свою камеру, когда ворота тюрьмы распахнутся и ты снова решишься в жизнь, полную тревог, опасностей, борьбы...»

Итак свобода не стоит и пяти су!

Лишь водовороту борьбы и вместе с тем натуре пылкой, романтически приподнятой могут оказаться под стать эти гордые слова. Не случайно ими начинается и заканчивается роман Жаннэ Гаузер «Я увижу Москву!», рисующий полную испанской жизни молодой французской коммунистки.

«Типичная парижанка из рабочего предместья, хотя ты и родилась на берегу океана...» так говорит о себе заключенная в тюрьму молодая женщина, ожидающая рождения ребенка. И обращаясь к будущему сыну, она твердо верит, что он увидит счастливого будущего: «Я вижу плакаты и статьи на головах демонстрантов: «Мир на земле!»... Я слышу голоса, они несусь из далеких стран, из Германии, из Италии, из Китая, из Америки! Из Советской страны! Москва! Я увижу тебя, увижу!»

Повествование ведется от первого лица, и живые впечатления героини позволяют следить за тем, как складывается и крепнет год от года смелый, прямой характер маленькой Мари-Лу, ученицы парижского пролетария Робера Пюшара.

Вся семья Пюшаров хранит и продолжает старые традиции своих предков. Память о Парижской Коммуне берегут не только Пюшары, но и другие жители рабочих предместий столицы: эти память подобна вечному живущему в сердце народа призыву к борьбе за честь и независимость Франции.

Не ограничиваясь изображением личной судьбы Мари-Лу, автор стремится показать размах народной борьбы, нарисовать жизнь французского народа. Писательница часто переносит повествование из многолюдных рабочих кварталов Парижа в маленькую бретонскую деревушку, затерянную на берегу океана.

Основная, ведущая тема книги — это борьба французского народа за свободу и мир, борьба, в которой объединяются вокруг Коммунистической партии Франции представители самых различных слоев населения. Писательница показывает общность интересов и бретонских рыбаков, подвергаемых несправедливой эксплуатации, и рабочих парижских заводов. Робер Пюшар, владеющий заводом Раймонд Кошмар одновременно работает и рыбаком Сент-Ана. В его лице Жанна Гаузер изображает

Жанна Гаузер. «Я увижу Москву!», Роман. «Звезда», № 12, 1952.

опустошенности выродка, дегенерата. Для него нет ничего святого.

В руках дегенератов Раймонд Кошмар действует, как оголтелый враг Франции, но враг неумный и ограниченный. Им все время движут инстинкты: это бездушная, злая марионетка. Иными чертами наделяет аббат Корбо. Темное орудие Ватикана, типичный фашист в рже, он появляется на страницах романа сначала с теневой ракеткой и яхтарными четками в руках, а затем с заряженным револьвером. Убийца в сутане, он прямо угрожает Мари-Лу, которая привезла в Сент-Ана Столбовское Возвращение. «Вы принесли сюда, — говорит аббат Корбо, — не только этот текст, вы принесли заразу... Если вы не страшитесь кармы господней... то неужели же вас не страшат иные кармы?»

Но Мари-Лу, несмотря на свою молодость, получила суровую жизненную закалку. Поэтому ни запугать, ни сломить ее нельзя. В это веришь, ибо видишь перед собой не схему, а живого человека, видишь не только во время жестоких испытаний, а и в те светлые, яркие моменты, которые украшают и облепачают собою трудный путь борьбы. Такие моменты дают людям бодрость, настоящую любовь.

Тема большой, искренней любви и дружбы проходит через все произведение Ж. Гаузера, придавая живое звучание многим, даже эпизодическим персонажам. Особенно светлые, сердечные и теплые тона находят писательница, чтобы обрисовать любовь своей героини к Жаку Туану — рабочему анизоавда «Дакс». Грусть и нежность, переплетаясь, окрашивают собою страницы, где писательница с большим лиризмом, сдержанно и немногословно описывает первое свидание Мари-Лу, первый бал.

Образ героини дышит большой верой в будущее, большой жизнелюбивостью и силой и поэтому вызывает самые живые симпатии читателей. Рисуя его, Жанна Гаузер убедительно показывает, что только таким людям, как Мари-Лу Лаварек и ее деревенские и городские друзья, принадлежит будущее Франции.

Заполняется многочисленная рабочая семья Руссей, их спаянность и выдержка в тяжелые дни забастовки. Большой жизненной силой дышит портрет семнадцатилетнего кузнеца, коммуниста Робера Пюшара. «Высокий, чуткий, худой, селоватый и селоватый, с морщинами на смуглом лице, в берете небрежном...», никогда не унывавший дед Пюшар — любимец парижского пролетария.

Он погиб во время стачки от руки полицейского, стрелявшего в бастующих рабочих. Похороны дед Пюшара превращаются в грандиозную демонстрацию парижских трудящихся...

Нельзя не отметить мастерство, с которым вкраплены в повествование скупые, но выразительные картины рабочего Парижа с четкими контурами Эйфелевой башни на пасмурном, задымленном небе; пейзажи Сены, загроможденной «эстакадами, пакгаузами, складскими сараями. Баржи, пароходы, которые проплывали под мостом, и их голоса вторили паровозным гудкам окрестной железной дороги». Все здесь вторит рассказу о неслучайной судьбе парижских предместий, и сама Сена рисуется, как неутомимая труженица... Писательница умеет описать экологическими средствами создать пасторальное, близкое тому, какое переживают ее герои, и тем самым сделать их ближе и понятнее нам.

Роман не свободен от недостатков. Трудно согласиться, например, с тем, что Жанна Гаузер не могла пущим показать, хотя бы кратко, годы, проведенные героиней в гитлеровском концентрационном лагере. Лишь приблизительно, словно наспех, очерчены важные в произведении образы бретонской роли Мари-Лу, в частности, дед Лаварек и его братья — Ив и Поль Кавьер. Особенно досадны недоговоренность, «недотушевность» в обрисовке героя Сопротивления Поля Кавьера, отдавшего жизнь за родину. О нем в романе даны только самые краткие сведения.

Обстоятельное раскрытие событий подменяется беглым пересказом и на некоторых других страницах. Характерно, что в этих местах заметно меняется и самый тон повествования. Обычно спокойный, сдержанный, как бы погруженный в эмоциональный сочувствие, он вдруг переходит в крикливо-патетическую декларацию.

Эти недостатки легко устранимы, и их надо устранить, потому что в целом «Я увижу Москву!» — интересная и нужная книга, укрепляющая интернациональные связи трудящихся в их борьбе за мир, внушающая горячие симпатии к трудовому народу Франции. Стоит напомнить: автор книги — советская писательница. Бесспорная заслуга ее в том, что правдивую историю своей героини — французской патристки Мари-Лу она рассказывает не только живо и искренне, но и с большой исторической достоверностью.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Русские повести

Двухтомный сборник «Русские повести XIX века 40—50 годов» является продолжением вышедших ранее «Русских повестей 20—30 годов XIX века». Он открывает широкую картину русской прозы первой половины прошлого века, знакомит читателя с произведениями писателей, забытых или редко издаваемых.

В 40-е годы начинают свой творческий путь Тургенев, Некрасов, Салтыков-Шчедрин, продолжившие реалистические традиции Пушкина и Гоголя. Наряду с ними в литературе выступают Д. Григорович, И. Панаев, А. Панаева, А. Писемский и другие. При всем различии своих идейных устремлений эти писатели содействовали обогащению литературы с жизнью, расширяли круг тем, разнообразие художественных средств.

Основные противоречия эпохи 40—50-х годов были связаны с крепостным правом. Жестокое угнетение крестьянина, надругательство над ним помещика запечатлел Д. Григорович в повестях «Деревня» и «Антон Горемыка». Протест писателя-гуманиста против дикого бесправия и жестокого крепостнического отношения превалирует в повести «Записки охотника» Тургенева. Но прочтении «Антон Горемыки» Белинский писал В. Боткину: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого странного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в концлагере, где благонамеренный тюремщик поет и издает целую ватину...» Несомненно, что мы должны во многом пересмотреть оценку Григоровича, обычно изображаемого, как автора сентиментальных наивностей.

К повестям Григоровича примыкают повести В. Дала («Хмель, сон и явь»), Е. Гребеня («Кулики»), также рисующие правдивую картину горестей крестьянской жизни.

Образ «маленького человека», с таким сочувствием показанный Пушкиным в «Станционном смотрителе», а затем Гоголем в «Занежских сумасшедших» и «Шинель», становится в 40-х и 50-х годах одним из центральных. Повесть Д. Григоровича «Капельмейстер Сусликов», повести А. Буткова «Сто рублей», «Хорошее место», «Горюх», «Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева», И. Кокорева «Сибиряк», М. Михайлова «Скряпич» раскрывают трагическую судьбу скромного труженика в условиях крепостнического строя. Хотя ни Григорович, ни Бутков, ни Кокорев не смогли подняться до понимания полных причин унижения и гнета, но протестующий выход возник из самого характера показанных нами образов. Талантливый музыкант капельмейстер Сусликов, талантливый музыкант ка-

пельмейстер Сусликов в рассказе Григоровича, вынужденный всю жизнь увеселять тупых и наглых покровителей, страстно влюбленный в искусство скрипки в рассказе Михайлова гибнут из-за полного пренебрежения и равнодушия «высших» кругов общества к таланту и судьбе человека.

Значительное место в прозе 40—50-х годов занимают повести, посвященные положению женщин. Вопрос о женской судьбе, об уродливости того воспитания, которое получала девушка в дворянских семьях, трагические последствия брака, основанного на расчете, на деньгах, являлся одним из наиболее острых и актуальных вопросов того времени. Удушающая атмосфера крепостнической среды, безвыходное положение женщины показаны в таких повестях, как «Антон» И. Панаева, «Полынь Сакс» А. Дружинина, «Трижды» и «Вызовала ли она?» А. Писемского. «Отец и дочь» А. Писемского, «Семейство Тальниковых» И. Станицкого (А. Панаева). Среди них следует выделить повесть «Семейство Тальниковых», которая рисует духовное уродство дворянской семьи, порождающей предательство, лицемерие, язвительные интрижки. Иной характер имеет повесть «Полынь Сакс», в которой образы героини даны в сентиментально благонамеренных тонах, далеки от жизненной правды. Поэтому трудно согласиться с той завышенной оценкой, которую дает этой повести автор вступительной статьи.

Если проза 40-х годов представляется в сборнике достаточно полно, то следующее десятилетие показано не столь широко и убедительно. Ведь 50-е годы, в особенности вторая половина их, ознаменованы усилением демократических тенденций под влиянием роста революционных настроений крестьянства, выходом на историческую арену революционных демократов — Чернышевского, Добролюбова. Это новое направление в русской литературе 50-х годов, хотя и представленное в сборнике именами Кокорева, Писемского, Михайлова, показано недостаточно.

Вступительная статья проф. Б. Мейлаха содержит широкую и в основном верную характеристику русской прозы 40—50-х годов, подчеркивает нарастающую в ней демократическую тенденцию, дает уместный обзор прозы 40-х годов, но в ней мало говорится о тех изменениях и сдвигах, которые произошли в литературе 50-х годов. Жаль, что автор уделяет недостаточно внимания характеристике стиля писателей.

Несмотря на отдельные недостатки, следует приветствовать это нужное, интересное издание и продолжать выпуск серии, доводя ее до нашей эпохи.

Н. СТЕПАНОВ

Писатель-демократ

Когда Ионас Билунас, один из самых талантливых прогрессивных писателей Литвы начала XX века, покинул свой родной Анишкишай, чтобы ехать в Татрисские горы, на литовском небе ступились мрачные тучи. Парская реакция свирепствовала после революции 1905 года. Будущее самого писателя было безрадостным: тяжелый недуг — чахотка — сломила его силы. В 1907 году Билунас, едва достигнув двадцатисемилетнего возраста, умер и был похоронен в Закопале.

Билунас прожил неслучайно жизненный путь. Парская власть преследовала его. Он был исключен из Тартуского университета за революционную деятельность. Ничего не могло заставить писателя свернуть с избранного им пути. Подпольно издал революционные и эстетические журналы «Белеского» и «Чернышевского». Билунас испытал на себе и благотворное влияние великого Горького. В рассказе «Светот счастья» писатель еще в 1905 году предсказал близкую победу народа.

Ионас Билунас — основоположник литовской пролетарской прозы, был замечательным мастером слова. В его произведениях в ярких, сочных красках запечатлены быт и природа Литвы.

В 1905 году Билунас писал: Когда умру, меня похоронят на берегу реки Швентойи. Чтобы могла видеть деревню, в которой я ребенком рос.

Правительство Советской Литвы приняло решение перевести останки писателя в Анишкишай. Члены колхоза, который носит имя писателя, отделили для могилы Билунаса самое живописное место в окрестностях. Дом, в котором Билунас родился и вырос, превращен в музей писателя.

Правительственная делегация во главе с писателями А. Вендло и Ю. Балтусом выехала за останками писателя в народно-демократическую Польшу.

Гроб с останками, доставленный из Польши в Вильнюс, был установлен в зале Союза писателей для последнего прощания. 1 июля, после траурного митинга на площади имени Чернышевского, он был отпущен в Анишкишай. В присутствии 50.000 человек, в большинстве — окрестных колхозников, останки Ионаса Билунаса преданы земле.

Писатель обрел вечный покой на родной земле.

И. ШИМКУС

ВИЛЬНЮС

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(любуется букетом)

А ведь всего полдня в растворе постояла. Нет, лучше наших роз нигде в продаже нет.

Ты завтра захвати букет для Моргунова — Пусть позавидует. Он любит все, что ново.

(У ворот, в саду, раздаются звонки. Супруги перебегают во двор)

СОРИНКА
(поднимает голову)

Звонки!

Кто б это к нам приехать мог?

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

Ида, Полина, отпори.

СОРИНКА
(вслед убегающей Полине)

Не позабудь — в «глазок» сначала посмотри!

И если кто опять из финотдела: Хозяйка — улетел, хозяйка — заболела! (Супруги прислушиваются. В саду хлопает калитка, слышны голоса)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

Я слышу голос твоего Чеснова... (Появляется Кузьма Кузьмич Чеснов. На нем гражданский костюм. В одной руке — трость, в другой — свернутая в газету книга. Софрон Тарасович поворачивается навстречу гостю)

СОРИНКА
(с преувеличенным радушием)

Олимпия Павловна! Смотри-ка, кто идет!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(неестественно радостно)

Кузьма Кузьмич!

СОРИНКА

Здорово, друг, здорово!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

Мы не выдались целый год! (Здоровается с гостем)

СОРИНКА

Я слышал, ты хворала?

Чеснов поднимается на веранду. Здоровается с хозяйкой)

ЧЕСНОВ

Отбой играть собрался: Костялая с костью стояла под окном. Я не впустил ее, я, видишь, в основном «Каким я был, таким я и остался!» Вот, разве что, страдать стал больше от ног... (Похлопывает себя по колену)

Сегодня выбрался и вас решил проводить...

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(любезно)

Добро пожаловать! И просим отобедать — У нас как раз с грибами пироги.

ЧЕСНОВ
(обратив внимание на розы в вазе)

Какие удивительные розы! Как будто поспешили от мороза.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(сухо)

Да! Эти розы не на всякий вкус.

Кто любит ананас, а кто арбуз! (Берет ведро с букетом, уходит в дом)

ЧЕСНОВ
(Соринке)

Я не хотел твою жену обидеть, Мне просто синих роз не прихотилось видеть!

(Помолчал)

Чуть не проехал мимо вашей дачи. Спасибо, подкачал Болоды, мой шофер! Где, говорит, большой, глухой забор. Там и Софрон Тарасович — не иначе! Ты, впрямь, живешь за крепостной стеной.

И от кого ты так отгородился?

СОРИНКА
(пожал плечами)

Да от людей! Уединился.

ЧЕСНОВ

Уж мы подумали: не взять ли курс домой. Да у ворот твоих никак не развернутся. Чтоб на железный столб машины не наткнулись.

СОРИНКА

Мы этот столб вкопали у ворот. Чтоб наш сосед не делал разворот... (В дверях веранды появляется Олимпия Павловна)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(мучу)

Бутуз! На минутку!

Чеснов, фальшиво улыбаясь)

Обиделась за розы не на шутку! (Исчезает)

(Соринка уходит в дачу. Чеснов остается на веранде один. Он достает портсигар и закуривает. Появляется Маманегорюй)

ЧЕСНОВ
(приветливо)

Ба! Дядя Митрофан!

МАМАНЕГОРЮЙ

Узнал.

ЧЕСНОВ
(протягивает портсигар)

Дымнишь еще?

МАМАНЕГОРЮЙ
(закуривает)

Дымлю, товарищ генерал!

ЧЕСНОВ

Все плотничает здесь, как погляжу?

МАМАНЕГОРЮЙ

Пришлось ко двору. Тут в сторожах служу.

И, часом, выполняю порученья. Колхоз меня с женой не отпускал сюда. Ну, а хозяйин осерчал тогда. И оказался давлению на правление... Начальство-то оно видней. Кого — куда и что нужней!.

СОРИНКА
(входя, Чеснову)

Прошу меня простить — есть небольшое дело.

(Спускается с веранды. Обращается к Маманегорюй)

Докладывай!

МАМАНЕГОРЮЙ

Подешевеал!

Всю цену сбил колхоз «Победа Октября». Я, мама, не горюй, на рынок съезди зря.

СОРИНКА

Так ты бы уступил. На это есть смекалка.

МАМАНЕГОРЮЙ

Дешевле отдавать, вы говорили, жалко. Я, мама, не горюй, товар назад привез... Клубника семьдесят и пять букетов роз.

СОРИНКА

Эх, Маманегорюй, не проявил сноровки! Сто раз и говорил и говорю сейчас, Что надо действовать согласно обстановке.

КАК НА ВОЙНЕ!

МАМАНЕГОРЮЙ

Я выполнял приказ.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(появляется на веранде)

Что тут за шум у вас?

СОРИНКА

Вот, полюбуясь! Погляди-ка! Все, что повед, — назал привез!

ЧЕСНОВ

Олимпия Павловна! Вернулась к вам клубника

И несколько букетов синих роз.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

Прокиснет ягода, куда ее девать?

ЧЕСНОВ
(с иронией)

Софрон Тарасович! Принимай решение!

СОРИНКА

Варить клубничное варенье! Варить и в банки паковать!

ЧЕСНОВ

Вареньем будешь торговать?

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

Вот новая забота!

СОРИНКА
(сторону)

Тащи на кухню все решета.

МАМАНЕГОРЮЙ
(про себя)

Тебе сидеть бы в лавке, А не в главке...

ЧЕСНОВ

Я вижу, что клубники У вас сегодня урожай великий?

СОРИНКА

Двадцать тысяч кустов, чтоб не соврать!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

На каждом — ягоды. Все нужно обобрать. (Уходит в дом)

СОРИНКА

А как твои дела? Чем ты живешь и дышишь?

Все пишешь?

ЧЕСНОВ

Грешу. Пишу... (Разворачивает газету. Достает завернутую в нее книгу. Протягивает ее Соринке. Тот берет книгу. Надевает очки. Читает название книги. Перелистывает.)

СОРИНКА
(с ноткой зависти)

Гм-м... «Тактика тылов в период наступления»... «Профессор К. Чеснов»... Твое произведение? Тисненый переплет... Военизм! Четвертая страница! Завислый результат! (Откладывает книгу. Снимает очки)

Приветствую и одобряю! Я тоже, так сказать, Сажу и материалы подбираю — Хочу статью в журнале написать! Меня волнует тема Организации колхозного труда. Давно, давно назревшая проблема!

ЧЕСНОВ
(с интересом присматриваясь к Соринке)

Ну-ну...

СОРИНКА

Да, да... (Берет в руки книгу Чеснова)

Так... Стало быть, готов печатный труд? (Появляется Дуня)

ДУНЯ

Софрон Тарасович!

СОРИНКА

Что надо?

ДУНЯ

Вас зовут.

СОРИНКА

Да кто зовет-то?

ДУНЯ

Плотиныча бригада. Какие-то размеры, вышь, им надо!

СОРИНКА

Я занят. Занят! Подожду!

(Дуня уходит. Соринка — Чеснову)

Клубника требует куриного помета. Жена купила кур, да маловато что-то. Приходится помет скупать на стороне. Не прикупить ли кур? — я предложил жене.

И вот теперь не знаю я покою — На сотню кур курятник новый строю. (Опять берет в руки книгу Чеснова. Перелистывает ее)

Смотри, какую книгу написал! (Показывает Маманегорюй)

МАМАНЕГОРЮЙ

Вы извините, помещал... Там улья привезли. Где ставить?

СОРИНКА

Вдоль забора. Глядишь, ползет вор — пчела ужалит вора.

(Смеется)

(Маманегорюй уходит)

ЧЕСНОВ
(не скрывая иронии)

Ты стал к тому же еще и пчеловодом? Под старость захотел поковыряться медом?

СОРИНКА
(не замечая иронии)

В рот не беру. Я сладкого не ем.

ЧЕСНОВ

А пчел разводишь между тем?

СОРИНКА

Да это все жена. Не я. Пчел завести — идея не моя. Я лично возражал, и так хлопот хватает. Ну, а потом подумал: пусть летают! (Вздвигает на ладони книгу Чеснова)

Гляди, какую книгу сочинил!

(В саду раздаются звонки. Пауза. В саду хлопает калитка. Появляется Полина)

ПОЛИНА

Софрон Тарасович!

СОРИНКА

Короче. Кто звонил?

ПОЛИНА

Приехал покупатель за шенками. Тот, что намени торговался с вами.

СОРИНКА

Скажи ему, что опоздал. (Чеснову)

Вчера последнего продал. (Полине)

Пусть будет наперед ему наука. (Полина уходит. Соринка обращается к гостю)

Эх, ты бы посмотрел на Джижду! Что за сука!

Какой диплом!

Я покажу тебе ее потом.

ЧЕСНОВ

Я что-то во дворе не слышал лая.

СОРИНКА

Она охотничья, а не сторожевая.

ЧЕСНОВ

Ты стал охотником?

СОРИНКА
(смеется)

Кто? Я?

В руках я не держал двустолбного ружья.

ЧЕСНОВ

Зачем же ты завел охотничью породу?

СОРИНКА

Олимпия Павловна купила для приплоду. Не переспоришь ведь жену.

ЧЕСНОВ

Ну-ну!...

СОРИНКА

На весь район мы славимся шенками. Любители так просто рвут с руками.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(в дверях)

За стол! Прощу друзей за стол! (Чеснов прячет в карман портсигар, остается из-за стола, берет трость)

ЧЕСНОВ

Вы извините. Я пошел. (Берет книгу, заворачивает ее в газету)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(изумленно)

Товарищи! В чем дело? Стол накрыт!

ЧЕСНОВ

Благодарю. Уже по горло сът.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

Что здесь произошло?

СОРИНКА

Не знаю. (Чеснову) Сделай милость. Скажи мне, что с тобой?

ЧЕСНОВ
(мелко спускается с веранды)

Как видишь — ужоу.

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА

Товарищи! Что тут у вас случилось?

СОРИНКА

(беспокойно разводит руками)

Кузьма Кузьмич! Я слов не нахожу!

ЧЕСНОВ
(остановившись)

Ты хочешь правду знать?.. Изволь... скажу...

(Смотрит на Соринку)

Смотрю я на тебя, клубничный генерал, Почетный завсдаждат рынка. И думаю: на что ты разменивал Себя, Софрон Тарасович Соринка?.. Был на войне. Имеешь орден. А на поверку — грош тебе цена! Что тебе не достало? Тебе все мало! Мало! Мало! (Соринка хочет что-то возразить, но Чеснов не дает ему сказать и продолжает)

Ты хочешь мне сказать, что это все — она? Жена?

А где твоя народная закуска? Ты начинал, мне помнится, с подпаска. Был босоногим батраком, А не купеческим сыном! Откуда ж у тебя буржуазные замашки. Что так ты полблиз хустишься бумажками? Ты отвари свой авторитет! Шенки и розы есть, а совести-то нет! (Уходит)

(Соринка и Олимпия Павловна стоят, ошеломленные. В саду хлопает калитка. Вбегает Акимовна)

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(завола в руки)

Что там еще случилось?

АКИМОВНА

Олифа Павловна! Свинья опоросялась!

ОЛИМПИЯ ПАВЛОНА
(радостно)

Опоросилась!

(Сбегают по ступенькам веранды и спешат за Акимовной в свинарник)

Соринка, оставшись один, садится на ступеньки лестницы и, зажав голову руками, сидит так, глядя перед собой отсутствующим взглядом.

СОРИНКА
(задумчиво)

Свинья... Конеч

Международная почта

пальцев, инструкция по проведению анализа следов крови и т. д. Вы получаете не только чертеж или план дома, где было совершено убийство, но и «все здание целиком» в виде маленьких стен, пола, крыши и других составных частей из картона. Даже забор, через который перелез хладнокровный убийца, находится тут же, в коробке, и может быть смонтирован, как и все остальные принадлежности.

Само собой разумеется, что дело не обходится без трупа, который, согласно акту, составленному полицией, был найден на лестнице, причем голова мертвеца лежала на нижней ступеньке. Игрушечный револьвер, пята крови и т. д. также находятся на своих местах, и внимание человека, пытающегося разгадать преступление, привлекает в определенный момент сладковатый запах, доносящийся из внутренних комнат миниатюрного домика. Это — настоящий хлороформ в маленькой бутылочке...

Освоившись должным образом с атмосферой, вы затем знакомитесь с главными и второстепенными действующими лицами. Все они — в виде небольших фигурок — находятся тут же: невнятные физиономии, коварные наемные убийцы, женщины с ангельскими лицами, пресыщенные свертки дамы, рабочие в синих комбинезонах и т. д. Все фигурки расставляются по указанным местам, и вы начинаете изучать содержание тоненькой тетрадки, в которой приводятся краткие выдержки из допроса и обрывки разговоров, подслушанных свидетелями».

Что можно прибавить к этому описанию? По словам газеты «Памперсшларендер», «эта затея и ей подобные являются предвестником новой эпохи неграмотности... У покойного Гутенберга достаточно оснований, чтобы переворачиваться в гробу».

**ТРАГЕДИЯ
ГОРОДА
ЛЛАНЕЛЛИ**

Когда-то английский город Ллланелли, находившийся в Западном Уэльсе, считался центром жестиного производства. В этой отрасли промышленности было занято почти все население города. Уэльские жестины консервные банки можно было найти на полках всех продуктовых магазинов Великобритании. Но сократилась английская внешняя торговля, сокращается поэтому и выпуск продукции.

Некоторые время тому назад в городе Лланелли 15 предприятий жестиного производства, продолжавших еще функционировать (до войны их было 781), закрылись на месяц или перешли на четырехдневную рабочую неделю. В таком же положении оказались и другие города этого «жестяного» района Западного Уэльса — Суонси, Нит, Порт Талбот, Понтарлов.

Населению этих городов грозит массовая безработица. Один из жестинок — города Понтардур в беседе с корреспондентом «Дейли уоркер» рассказал, что у него и тысячи каждый пенни на счету, а заработной платы едва хватает на жизнь. Если же его фабрику закроют, у него вообще не будет никакой надежды найти работу. «Я бы хоть завтра упавалось и уекал», — сказал он, — если бы где-нибудь была работа. Но что я могу сделать? В таком же положении, как я, сотни рабочих в нашем городе».

Только на двух предприятиях — в городах Суонси и Нитте — 220 рабочих должны закончить работу к концу мая. В противном случае возникнет угроза голода. И хотя в Великобритании было изобилие этой торговли безусловно, можно? Китай выразил готовность закупить в ближайшие месяцы на 500.000 фунтов стерлингов. Аналогичный заказ предлагала Венгрия, — пишет английская газета «Дейли воркер» — добавляет: «Обширные рынки в социалистических странах, возникшие благодаря прощению их экономики, могли бы обеспечить нам иметь выгодными заказами все ульские заводы, как новые, так и старые из-за отсутствия заказов».

**„ТОЛЬКО
ДЛЯ БЕЛЫХ“**

Этот снимок сделан в Соединенных Штатах. Впрочем, можно указать и более точный адрес: скамья, изображенная на снимке, находится на лужайке перед зданием город-

Большая надпись на скамье предупреждает: «Только для белых». Это зрелище, надо полагать, услаждает взоры бюстистелей расовых законов, заседающих в суде.

«Только для белых!» Вдумайтесь в смысл этой надписи — она означает, что такой человек, как Поль Робсон, не имеет права приблизиться к этой скамье...

Смесь

Нью-Йоркские будни. Безработный механик Франк Джордано, его жена Аделина и семеро детей, из которых один ребенок страдает тяжелым нервным заболеванием, были выброшены на улицу за задержку квартирной платы, — сообщает американская газета "Нью-Йорк Бладет".

«Преступления» сестры Гарпера. Реквизируя одно здание за другим, американские оккупационные власти в Западном Берлине выгнали сестру Гарпера из его маленького лодочного сада. Но домик был так мал и сиротен, что и в один американский обиход не пожелал в него поселиться. Долгие месяцы наблюдал Гарпер за тем, как разрушалась созданное его руками и руками других наряды он зашел в свой собственный дом, в зал из комнаты настольных ламп, и любил

«Мемориальные» щиты. В Стратфорд-на-Авоне, родном городе Вильяма Шекспира, именем великого английского классика злоупотребляют без разбора повести в целях рекламы. Так, например, по сообщению датской газеты «Информашон», на улицах города можно видеть щиты, указывающие путь к... «шекспировскому гаражу».

что средний фильм производится немецкой киностудии «дефа» (ДФР) воспроизводится в 1.500 экземплярах, донсесдорфская газет «Индустрикурир» добавляет: «Если же фильм, заснятый в Западной Германии, копируется хотя бы в 100 экземплярах, то режиссеру можно уже послать букет цветов в качестве поздравления».

А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ.

ПРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ,
Н. ПОГОДИН.

Искусства — К 4-02-29, К 4-01-88,
К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Б02818.